

I

Для меня не важно, ни сколько полок в вашем книжном шкафу, ни как часто вы наведываетесь в ту комнату, которую он украшает. Но зайдите в эту комнату, закройте за собой дверь, оставьте за ее порогом все волнения повседневности, погрузитесь в спокойствие, которое подарит вам общество великих мертвецов. И перед вами откроется волшебная дверь, ведущая в те благодатные края, куда нет входа вашим волнениям и горечи, где все вульгарное и мерзкое остается позади, и где, выстроившись рядами, вас ждут благородные молчаливые друзья. Окиньте взглядом этот строй. Выберите кого-то одного. Вам останется лишь протянуть к нему руку, и вместе вы отправитесь в мир грез. Наверняка стоящие рядами книги могли бы внушить страх, если бы их вид не был нам столь привычен. Ведь каждая из них — это мумифицированная душа, облаченная в саван из картона, кожи и печатной краски. Под каждой обложкой настоящей книги скрывается собранная в сгусток сущность человека. Личности их авторов превратились в расплывчатые тени, так же как тела их обратились в неосязаемый прах, но души их находятся в вашей власти.

Привычка порой заставляет нас забывать и о том, какое огромное, поразительное богатство находится в наших руках. Давайте представим, что неожиданно мы узнаем, будто на землю вернулся Шекспир и любому из нас он может в течение часа дарить свой ум и свое воображение. Как страстно мы будем искать встречи с ним! Но ведь он и так находится рядом с нами! Лучшее, что он может дать изо дня в день, только руку протяни. Но мы не думаем об этом и не снимаем с полки старый томик. Не важно, в каком настроении человек. Когда он пройдет через волшебную дверь, величайшие умы человечества разделят его с ним. Если он задумчив, его ждут короли мысли. Если он погружен в мечты, к его услугам мастера фантазии. Может быть, ему скучно? Тогда ему лишь стоит подать знак любому из великих рассказчиков, и кто-то из мертвых

часами будет занимать его внимание. Мертвые — до того славная компания, что иногда, следуя за ними, начинаешь забывать о живых. Для многих из нас это действительно грозная опасность, ибо в обществе мертвых мы рискуем так и не научиться мыслить самостоятельно, так и не обрести собственную душу. И все же чужие приключения и чужие переживания лучше безвкусной и пресной, убивающей душу рутины, которую большей части человеческой расы дает современная жизнь. Лучше всего, когда мудрость и сила мертвеца служат дополнением к жизни полной и активной.

Что ж, волшебная дверь открыта. Заходите ко мне, Располагайтесь на зеленом диванчике, вон там, рядом со старой дубовой этажеркой с неровными рядами книг. Если хотите, можете закурить. Хотите, я расскажу вам об этих книгах? О, большего мне и не надо, ведь каждый из этих томов — мой близкий и дорогой друг, а разве может быть более приятная тема для рассказа? Остальные книги стоят вон там, но эти — мои любимые, те, которые я перечитываю и все время держу рядом с собой. Каждая из этих старых обложек вызывает у меня приятные воспоминания.

Ради некоторых из них мне пришлось чем-то пожертвовать, но от этого моему сердцу они стали только дороже. Видите ряд старых коричневых томов на нижней полке? Каждый из них — это один мой обед. Я покупал их в студенческие годы, когда своих денег у меня не водилось. На бутерброд и кружку пива мне выдавалось три пенса в день, но, к счастью, моя дорога в колледж пролегла мимо замечательного книжного магазинчика. Рядом с его входом стояла большая коробка, полная старых потрепанных книг, а над ней висела табличка, где сообщалось, что любую из них можно приобрести именно за ту сумму, которая обычно лежала у меня в кармане. Книжки в коробке постоянно менялись, поэтому каждый раз, когда я приближался к этому месту, внутри меня разгоралась борьба между молодым телом, вечно чувствующим голод, и пытливым, всепоглощающим разумом. В пяти случаях из шести

побеждало животное. Но когда верх брал разум, следовало пять захватывающих минут копания в старых альманахах, пособиях по шотландскому богословию, логарифмических таблицах, и наступал чарующий миг находки. Посмотрите на названия, и вы поймете, что я был не так уж плох в выборе. Четыре тома «Тацита» Гордона* (если есть хороший перевод, не стоит тратить время и силы на чтение оригинала), эссе сэра Вильяма Темпла*, работы Аддисона*, «Сказки бочки» Свифта*, «История» Кларендона*, «Жиль Блаз»*, стихотворения Бэкингема* и Черчилля*, «Жизнь Бэкона»*... Совсем неплохо для старой коробки с товаром по три пенса.

Но не всегда книги эти были в такой плебейской компании. Посмотрите на дорожную кожу переплета, на золотое тиснение на корешках. Когда-то они украшали полки какой-нибудь достойной библиотеки, и даже среди старых альманахов и молитвенников они сохранили следы былого величия, как увядшее шелковое платье в гардеробе обедневшей благородной дамы, которое сейчас навевает лишь грусть, а было время — приковывало к себе восхищенные взгляды.

В наши дни, когда выходят дешевые книги в бумажных обложках и существуют бесплатные библиотеки, чтение сделалось общедоступным занятием. Люди мало ценят то, что дается им без труда. Кому в наши дни знакомо то волнение, которое ощущал, спеша домой с шестью томами «Истории» Гиббона* под мышкой, Карлейль*, когда разум его испытывал голод, заставивший его прочитать их все в течение одного дня? Книга должна принадлежать только вам, чтобы вы могли почувствовать ее вкус. Если вам не пришлось потрудиться, чтобы добыть ее, вы никогда не испытаете внутренней гордости от обладания ею.

Если бы мне пришлось выбирать из этого ряда книгу, которая принесла мне наибольшее удовольствие и самую большую пользу, я бы указал вон на тот старенький томик, это «Очерки» Томаса Бабингтона Маколея*. Когда я вспоминаю свою жизнь, мне кажется, что эта книга была рядом со мной

всегда. Она была моим другом в студенческие годы, она побывала со мной под жарким солнцем Золотого Берега*, она была частью моего скромного багажа, когда в Арктике я охотился на китов*. Славные шотландские гарпунеры ломали над ней голову, на одной странице еще видны темные маслянистые пятна, в этом месте второй механик взялся осилить «Фридриха Великого»*. Потрепанная, грязная, рассыпающаяся, эта книжка мне дороже любого тома с золотым обрезом в переплете из марокканской кожи*.

До чего прекрасен и богат тот мир, в который этот скромный ход приведет любого, кто равнодушен не только к литературе, но и к истории! Мильтон*, Макиавелли*, Хеллем*, Саути*, Беньян*, Байрон*, Джонсон*, Питт*, Хэмпден*, Клайв*, Гастингс*, Чатам...* Целая вселенная для размышлений. Поняв каждого из них, до чего приятно и просто узнавать все, что находится между ними! Краткость и ясность слога, широта сравнений и отсылок, точность деталей околдовывают, пробуждают даже у наименее любознательного из читателей желание узнать больше. Если и Маколею не удастся вывести читателя на этот прекрасный путь, такой человек может вовсе оставить надежду ступить на него.

Когда я заканчивал колледж, эта книга (не именно этот экземпляр, поскольку у него был еще более ветхий предшественник) открыла мне целый новый мир. Раньше история была для меня скучным школьным предметом. И вдруг ненавистные задания открыли путь в волшебную страну, полную восхитительных красок и чудес, где добрый и мудрый проводник всегда ждал меня, чтобы указать верную дорогу. Его великолепный стиль изложения захватил меня настолько, что я восхищался даже его недостатками... Сейчас, когда я начинаю думать об этом, мне кажется, что именно за эти недостатки я его и любил. У него нет ни одного слишком тяжеловесного предложения, ни одного слишком сложного противопоставления. Все легко и понятно. Мне доставляло удовольствие читать, что «безудержный хохот, раскаты которого прокатились от Тежу до Вислы*, дал

понять Папе, что эпоха Крестовых походов подошла к концу», и я испытывал радость, узнавая, что у леди Джернингхем была ваза, в которую люди складывали дурацкие стишки, и «мистер Дэш сочинял стихотворения, достойные вазы леди Джернингхем». Такие предложения наполняли меня смутным, но долгим ощущением счастья, как гармонии, которые врезаются в память музыканта. Взрослея, человек переходит на более простую литературную пищу, но до сих пор, когда я просматриваю «Очерки», я чувствую восхищение и изумляюсь таланту писателя, который любую, даже самую серьезную тему может сделать увлекательной, расцветив ее интересными подробностями. В них вы найдете и смелый мазок кистью, и тончайшую прорисовку. Ведя читателя по выбранной дороге, он неизменно указывает на те разветвления, которые встречаются по пути и заманчиво уходят в разные стороны. Можно получить неплохое, хотя и несколько отставшее от современности образование, если изучить все те книги, ссылки и намеки на которые имеются в «Эссе». Если какой-нибудь молодой человек на такое решится, мне было бы очень любопытно узнать, в каком возрасте он закончит эту работу.

Жаль, что Маколей не написал ни одного исторического романа. Я убежден, что это было бы великое произведение. Мне не известно, был ли он наделен талантом создавать вымышленных персонажей, но он точно обладал даром воскрешать на своих страницах живших в ту или иную эпоху известных личностей. Прочитайте хотя бы этот короткий простой отрывок, в котором он описывает Джонсона и воссоздает его окружение. Все очень кратко, но до чего образно и живо!

«Перед нами клубная комната. На столе — омлет для Ньюджента* и лимоны для Джонсона. Вокруг — те, чьи лица будут жить вечно на полотнах Рейнольдса*. Очки Берка*, высокая и тощая фигура Лангтона*, манерная усмешка Боклерка* и широкая улыбка Гаррика*, Гиббон, барабанящий пальцами по табакерке, сэр Джошуа* со слуховой трубкой у уха. На переднем плане — та странная фигура, которая знакома нам

с детских лет: богатырское тело, огромное тяжелое лицо, усеянное оспинами, коричневый сюртук, черные шерстяные чулки, седой парик, грязные руки, ногти, обрезанные и обкусанные до самого мяса. Мы видим, как резко, словно в конвульсии, двигаются глаза и губы; мы видим, как эта махина медленно раскачивается из стороны в сторону. Мы слышим шумное дыхание, а потом раздается: “Сэр!”, “Что было потом, сэр?”, “Нет, сэр!”, “Вы не понимаете сути вопроса, сэр!”»*

Такое врезается в память навсегда.

Помню, когда мне было шестнадцать лет, я приехал в Лондон, и первое, что я сделал, освободившись от багажа, — отправился на могилу Маколея в Вестминстерское аббатство*, где он лежит в тени Аддисона рядом с прахом тех поэтов, которых он так любил. То было единственное, что привлекало меня в Лондоне. И, когда я думаю, чем я ему обязан, мне это не кажется удивительным. Эрудиция и тяга ко всему новому; мягкая, спокойная манера выражаться и широкий, свободный взгляд на жизнь, лишенный предрассудков и нетерпимости. Весь мой нынешний жизненный опыт полностью подтверждает мои тогдашние мысли о нем.

Как видите, справа от «Очерков» стоит четырехтомное издание «Истории». Припоминаете третью главу из нее, ту, в которой описывается Англия семнадцатого века? Это изумительное сочетание точности в фактах и легкости изложения для меня всегда было эталоном мастерства Маколея. Население городов, статистические данные о торговле, факты повседневной жизни — рука гения превращает все это в удивительное и захватывающее изложение. Порой кажется, что он смог бы и таблицу умножения сделать интересной, если бы имел на то желание. Давайте рассмотрим конкретный пример. Казалось бы, о том, что во времена, когда путешествия были не таким уж простым делом, оказавшийся в деревне лондонец чувствовал себя точно так же не в своей тарелке, как и деревенский житель, приехавший в Лондон, можно было бы и не говорить, это разумеется само собой,